

ФОРМИРОВАНИЕ БОГОСЛОВА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ЧЕРЕЗ (АКАДЕМИЧЕСКОЕ) ПИСЬМО

Екатерина ПЕННЕР имеет высшее богословское и библиотечное образование. Преподает методологию и методы научно-богословского исследования. Является Координатором по развитию библиотек ЕААА.

E-mail: katharina.penner@gmail.com

“Богословские размышления” № 21, 2018: 199-211

DOI: 10.29357/2521-179X.2018.21.15

Аннотация: Практика богословствования в церковной жизни чаще всего воспринимается как устная дисциплина. У богослова, начинающего заниматься научно-исследовательским трудом, компетенция письменного выражения результатов богословствования, поэтому, часто развита достаточно слабо. Но именно письмо – академическое, но и другие виды – способствует нахождению своего “голоса”, продвижению от интуитивного вероисповедания к его логическому обоснованию, от неуверенности и неловкости в непривычном окружении к осознанию и выражению своего авторитета в академической сфере. Серьезный подход к развитию навыков письма ведет к более глубокому осмыслению богословских идей, формирует духовную и интеллектуальную личность богослова, а также способствует приобщению к академическому обществу. Обсуждаются методологии формирования навыков богословского письма: дисциплинированной и самокритичной авторской редакции, дискуссионные семинары, интенсивная работа с ментором. Богослов-исследователь должен научиться “жить” в двух отличающихся общинах, Церкви и академии, и писать на разных “языках”.

Ключевые слова: письмо (академическое), духовное и интеллектуальное формирование, письмо как богословский метод, академическое сообщество; менторство, авторская редакция, дискуссионные семинары.

Annotation: Theologizing in the Church is usually considered to be an oral activity. A beginning theologian who embarks on research in theology, therefore, often lacks the skills of communicating results of theologizing in written form. However, writing – academic, but not only – effectively fosters the development of one’s own “voice”, the moving from an intuitive to intellectually reflected faith, from insecurity in an unfamiliar environment to gaining and expressing one’s authority in the academic community. The development of writing skills promotes a deeper understanding of theological ideas, forms the spiritual and intellectual “persona” of the theologian, and enables the integration into an academic community. Some methodologies for academic writing in theology are discussed: a disciplined and self-critical approach to self-editing, discussion seminars, mentoring by an experienced author. A theological researcher must learn to “live” in two different communities – the Church and the Academy – and write in different “languages”.

Keywords: writing (academic); formation: spiritual and intellectual; writing as theological method; academic community; mentoring; editing; discussion seminars.

Введение

Практика богословствования — навык научно-богословского размышления о Боге, Церкви, жизни и следовании Христу — в церковной жизни чаще всего воспринимается как устная дисциплина. Церковь — устная община, где Слово и слова играют большую роль. У богослова, начинающего заниматься научно-исследовательским трудом, но не только, компетенция письменного выражения результатов богословствования часто развита достаточно слабо. А в академическом пространстве умение писать считается незаменимой исследовательской компетенцией, так как всегда предполагается способность письменно представить и проаргументировать процесс и результаты исследования, напр. в виде отчетной деятельности или в процессе аттестации; также важна передача накопленного знания.¹

Вместо того, чтобы в который раз сетовать на неумение писать, искать виновных или жаловаться на школу и образовательную систему, данная статья подчеркивает положительную мотивацию для развития в себе этой компетенции. Мне кажется, и это подтверждается опытом, что письменная деятельность богослова, как личная (напр. в виде дневника), так и публичная (т.е. выраженная в эссе, блогах, академических и популярных статьях, диссертациях), очень важна и способствует многим крайне необходимым процессам. Напр. более глубокому осмыслению богословских идей, формированию духовной и интеллектуальной личности богослова, т.е. “персоны” мыслителя/исследователя, а также приобщению к академическому обществу. Если же это так, что именно письменная деятельность, помимо конечно других процессов,² играет формирующую роль, которую трудно заменить чем-то другим, то необходимо также обсудить, каким же образом развивать эту компетенцию, в себе и, в зависимости от позиции и профессии, и в других.

Глубина осмысления

Выражение, приписываемое Досону Тротману: “Мысли распутываются, проходя через губы и кончики пальцев” — описывает процесс осмысления и формулировки идеи (возвышенной, благородной, впечатляющей), которая роется в голове и которую хочется понять, рассмотреть со всех сторон и передать аудитории. Для этого ее необходимо сформулировать (зафиксировать, “втиснуть” в слова — т.е. происходит определенная редукция³), отсоединить от себя и посмотреть на нее со стороны как на объект. В процессе формулировки мысли выстраиваются в

¹ См. А.С. Роботова, “Надо ли учить академической работе и академическому письму?” *Высшее образование в России* 10 (2011): 53.

² Конечно письменная деятельность является не единственным аспектом в этих процессах, см. В.С. Сенашенко, “Некоторые соображения об “академическом письме” и исследовательских компетенциях”, *Высшее образование в России* 8-9 (2011): 136-139, — но все же одним из важнейших. Компетентность в этой области не возникает “естественным” образом, просто вследствие создания соответствующей среды (хотя без нее, конечно, тоже не обойтись).

³ Проблему выражения всеохватывающего смысла определенной идеи с помощью ограничивающих слов можно обозначить и положительным образом: “Если бы все идеи можно было адекватно выразить словами, искусство, живопись и музыка не существовали бы”, см. J. Dewey, *J. Art as Experience* (New York: Minton, Balch & Company Dewey, 1934), 74.

определенной последовательности, между ними можно найти связи, появляются новые смысловые ассоциации — т.е. между зафиксированными идеями появляется пространство для осмысления. В устном дискурсе пространство тишины и покоя для осмысления, однако, очень недолгосрочное и сокращено до минимума, так как дискуссия стремительно движется дальше.

В письменной же формулировке как составление, так и декодирование предложения предполагает длительный, тщательный процесс. Слова следуют одно за другим, в определенной логичности и последовательности. Идеи раскрываются постепенно, в течение определенного промежутка времени, и мысль подчиняется этой поэтапной форме рассуждений. Знание и понимание развиваются в отчасти замедленном процессе, следуя, часто непрямолинейному, движению языка в непрерывном взаимосвязанном предложении, отображающем рациональность и логичность суждения⁴. Во время творческого процесса письменного фиксирования идей происходит анализ, структурирование и, в конце, понимание истины. Метод заставляет стремиться к точности⁵, полноте, логичности; перечитывая визуально воплощенную (объективизированную) идею проверяется отклик, который она создает в читателе, и насколько он соответствует тому изначальному интуитивному восприятию, когда идея только зародилась в голове. Через постоянный диалог между идеей и языком, с помощью которого фиксируется идея, происходит формирование и переосмысление значения и смысла,⁶ появляются и проверяются дополнительные нюансы, ассоциации, варианты ударения, идея вследствие замедленного действия охватывается и представляется более полно и глубоко.⁷

Формирование личности богослова

Письменная деятельность не происходит в вакууме, это всегда диалог: диалог между идеей и языком, диалог между личностью автора и идеей, диалог между автором и другими “голосами” в дисциплине. В этом диалоге в авторе

⁴ Jacques Ellul (Жак Эллюль), *The Humiliation of the Word* (Grands Rapids Mich: W.B. Eerdmann, 1988), 26.

⁵ “Чтение делает человека знающим, беседа — находчивым, а привычка записывать — точным.” См. Фрэнсис Бэкон, “О занятиях науками”, в *Великое восстановление наук. Новый Органон*. Режим доступа: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html.

⁶ Во время чтения и писания “идет непрерывное формирование смысла и идеи... Формируя смысл, письмо и чтение являются созидательными видами деятельности, включающими в себя планирование, формирование и переосмысление значения и смысла”, см. И.И. Филипович, “Письмо и чтение как неотъемлемые составляющие учебного процесса: взаимосвязи и влияние на формирование грамотности,” *Научный вестник ЮИМ* 1 (2015): 103.

⁷ Николас Карр (Nicholas Carr) в своей книге *The Shallows: What the Internet is Doing to our Brains* (New York: W.W. Norton, 2011) утверждает, что использование различных технологий, включая изобретение алфавита, часов, устных и письменных подходов к обучению, исторически всегда оставляло отпечатки на культуре и на мозговой деятельности человека. Письменная деятельность заставляет развивать способность длительной концентрации, память, способность рефлексии, выявления взаимосвязей между идеями, авторской редакции. Компьютерно-информационные технологии, широкомасштабно использованные сегодня, тоже меняют мозговую деятельность человека и сдвигают его способности в сторону устного и визуального восприятия, вследствие чего требуются особые усилия для эффективной письменной деятельности.

проявляется постоянная комплексная “борьба” между различными идентичностями — кто я как верующий, как богослов, как исследователь. А идентичность, как и язык, всегда является как личностным понятием, так и социальным, т.е. идентичность не в последнюю очередь определяется в диалоге с группой. Язык при этом играет большую роль как инструмент самовыражения, самопрезентации (в положительном смысле), аргументации своих идей, подчеркивания своего влияния и имени что сказать.⁸

Богослов в этом процессе не отличается от других авторов; развитие его личности, языка, диалога с Богом и с окружающими следуют подобным закономерностям. В своем призвании научно-богословского осмысления он руководствуется главной заповедью: “возлюби Господа Бога твоего всем разумением твоим” (Мт. 22:37), призыванием всех христиан к преобразованию “обновлением ума вашего” (Рим. 12:1-2; Еф. 4:23), ясно понимая, что именно Господь дает “разумение во всем” (2 Тим. 2:7).⁹ Рациональность умственной деятельности невозможно отделить от своего прошлого опыта, от мировоззренческих убеждений с их волевыми и аффективными аспектами; аспекты “персоны” исследователя-богослова переплетаются с идентичностью “верующего”, любящего Бога и Его заповеди. Как было показано выше, именно письменное взаимодействие с Писанием, с произведениями Отцов Церкви, другими христианскими и нехристианскими авторами, с возникающими идеями способствует этому взаимовлиянию, глубине осмысления и ясности/точности мысли. Письмо как циклический, многосвязный процесс поддерживает вступление в диалог и формирование/оттачивание как личности богослова, так и его вести. Письмо требует постоянного движения между чтением (восприятием идей другого), осмыслением (осознанием себя и своих суждений, и отсоединения себя от других авторов и идей) и формулировкой ответа/аргумента. Будь-то пометки на полях, письма, регулярное ведение дневника, блоги, записывание проповедей, статьи в популярных или академических журналах, богослов таким образом рефлексивно и аналитически проясняет для себя и для других понимание веры, развивает глубину души и мышления, продвигается от интуитивной (иногда инфантильной) веры к логично-критическому обоснованию своего и всехристианского вероисповедания.¹⁰

Редко первая попытка выражения своих идей будет успешной, придется несколько раз переписать, уточнить, отшлифовать текст — это нерационально,

⁸ Особенно явно это проявляется при изучении иностранного языка, с которым всегда связано вхождение в другую культуру и группу, что также влечет за собой изменения в идентичности. См. Miller, J., “Second language acquisition and social identity,” *Queensland Journal of Educational Research* 13 no.2 (1997): 84: “Identity, in fact, like language, is both personal and social. Social identity denotes the various ways in which people understand themselves in relation to others, and includes the ways in which they view their past and future lived experiences, and how they may want to be viewed. The shaped self employs language as a tool for making its presence felt.”

⁹ Schemm, Peter R. Jr. “The Writing Pastor: An Essay on Spiritual Formation,” *Themelios* 37.3 (2012): 480–87.

¹⁰ Богослов, как и каждый христианин, должен знать и “вникать в себя и в учение” (1 Тим. 4:16). Он также должен знать окружающих людей и их проблемы, передавать им письменным и устным образом Божье утешение и наставление и помогать им становиться такими, какими Бог их задумал.

непродуктивно и занимает неоправданное количество времени. Письмо, по определению, является упражнением в требовательности к себе, развивает ответственность за свои слова, дисциплины терпения и смирения — важные христианские добродетели.¹¹ Но именно в тишине и покое письменного осмысления и сосредоточенного выстраивания идей, в замедленном действии, которого чтение и особенно письмо требуют, богослов находит “свой голос”, чтобы из глубины опыта встречи с Богом и с собой передавать откровение и суждение. Определение эффективности и оправданности научно-богословского письма не может руководствоваться экономическими ценностями и критериями, дело не в том, как можно быстрее, продуктивнее, безболезненно “выбросить продукт на рынок”. Речь идет о духовных, личностных качествах, о глубине трансформирующего влияния, а в этом письмо незаменимо для духовного формирования; потраченное время окупится с пользой для себя и для других.¹²

Приобщение к академическому обществу

Как упоминалось выше, язык является не только инструментом для коммуникации, но и компонентом идентичности, а также социальным символом причастности к группе или сообществу. Начинаящий богослов-исследователь должен не только знать свою область, быть тематически осведомленным, но знать и уметь использовать жанровые и аргументативные конвенции научного богословского языка, чтобы доказать свою социальную причастность к иногда элитно настроенному научному сообществу. Чаще всего это происходит с помощью письменного представления своих суждений в публикациях; другие компоненты поддерживают вхождение в сообщество, но никак не заменяют письмо.¹³ Т.е. письмо является как бы порогом, барьером, который необходимо научиться перешагивать, и важным элементом в формировании академической “персоны” богослова.

Процесс этот — длительный и трудный, ведь приходится продвигаться от пассивного стороннего наблюдателя к активному соучастнику, вносящему свой вклад, от интуитивного знания и восприятия к логическому обоснованию своих убеждений, от неуверенности и неловкости в непривычном окружении к осознанию и выражению своего авторитета в научно-богословском дискурсе.

¹¹ Schemm, 483.

¹² Schemm, 487 приводит идеи Клайва Льюиса, который в проповеди 1939 г. под названием “Учеба в военное время” (“Learning in War-Time”) показывает, что учеба и исследование являются никак не бездельем, а жизненно важными элементами даже в военное время. “Человеческая жизнь всегда проходит на краю пропасти... никогда не наступит самый подходящий момент или идеальный сезон для размышления или обучения... Если бы человечество отложило поиск знаний и красоты [совершенствование осмысления через письмо — добавление автора] до момента безопасности, поиск никогда бы не начался.”

¹³ Т.е. нет никакого смысла противопоставлять “высокую науку”, с одной стороны, и “рутинные технологии”, т.е. письмо, с другой стороны. Это неоправданно, так как они работают вместе и взаимодополняют друг друга. См. Роботова, 51: “Академическое письмо нельзя “вынуть” из целостной образованности человека, из его речевой деятельности, которой он обучается/не обучается/плохо обучается ещё в доакадемический период своей жизни. Академическое письмо нельзя обособить от всего образовательного контекста, в котором находится наш ученик, который, возможно, и сделает в дальнейшем академическую карьеру.”

Тематической и устно-презентационной эрудиции при этом будет недостаточно, придется также освоить приемлемые стили письменной коммуникации.¹⁴ В этом контексте будет уместно вспомнить метафору Кеннета Бёрк¹⁵ о “нескончаемой дискуссии” и этапах вхождения в эту дискуссию. Начинающий исследователь сперва является аутсайдером (идентичность – посторонний), которому приходится ознакомиться с существующей издавна дискуссией и стилем ведения данной беседы, определиться интеллектуально со своим мнением и внедриться в беседу (эмоционально задействованная личность), чтобы завоевать право что-то привнести (продвижение от “никому не известный” к “имеющий что-то сказать” и даже к “авторитет в данной области”). Такой процесс немыслим без публичного, письменного представления своих убеждений. Процесс многочисленных правок письменного артефакта документирует это: первый черновик состоит из компиляции идей и мнений авторитетов по данной теме, второй – добавляет кое-какие личные рефлексии, третий и вплоть до окончательной версии показывает постепенную эволюцию собственного “голоса” в море различных мнений и аргументов, на которые исследователь учится отвечать и в диалоге с ними творить нечто “свое”.¹⁶

Хотя письмо как таковое, в том числе и академическое письмо, можно рассматривать как следование определенным конвенциям, установленным сообществом, оно никогда не остается “безличным”; процесс написания всегда включает личность автора (не только его способности или технологию письма). Поэтому требуется работа над “персоной”, личностью исследователя, особенной и отличной от других. Через свое произведение автор проецирует свою идентичность, добивается внимания и доверия к себе и к представленному материалу, демонстрирует уверенность в своих суждениях и определенную приверженность к ним, требуя таким образом признания своего авторитета.

Часто, конечно, начинающий богослов переживает совсем другие эмоции: страх и замешательство, самокопание и чувство недостойности, самозванства,

¹⁴ В письменной презентации необходимо посмотреть на тему с разных перспектив и представить ее с разных точек зрения: личность продвигается от униформизма (вращение вокруг себя и своего мнения) к дуализму (правильно-ложно) и, в конце, к плюрализму (множество параллельных мнений, каждое из которых возможно несет крупицу истины). В процессе задействованы различные качества личности: до презентации противоположного мнения его необходимо объективно понять (рационально-личностное качество допущения и вмещения, без страха за себя, разных взглядов на вещи), толерантно представить (уважение, способность “заглянуть” и охватить мышление другого), затем обоснованно опровергнуть (четкость, отстаивание истины без полемики, учет аудитории). См. Roz Ivanic, *Writing and Identity: The Discoursal construction of Identity in Academic Writing* (Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998).

¹⁵ Kenneth Burke, *The Philosophy of Literary Form* (Berkeley: University of California Press, 1941), 110-111.

¹⁶ М. Бахтин показывает, что язык (или “голос”) автора в начале еще не является “своим”, это “голос” его окружения, ведь никто не учится говорить или писать на основании словарей или грамматик – дискурс, формы общения, выражения впитываются из коммуникации в группе, обществе. Только после длительной борьбы с языком и с “акцентами” других можно освободиться и заставить язык выражать собственный голос, см. Bakhtin, Mikhail, *The dialogic imagination* (Austin: University of Texas Press, 1981), 294.

неловкость и разные странности, результирующие из таких эмоций.¹⁷ В длительном процессе приобщения, пока студенты еще не являются частью научного сообщества, они могут чувствовать себя “гибридами”, второсортными, раздвоенной личностью, которая должна жить по двум разным кодексам и передвигаться между двумя разными сообществами, никогда не подавая виду, что ни туда, ни туда не принадлежит, или что не умеет (еще или уже) соблюдать все требования этих сообществ. Такое состояние очень похоже на состояние людей, изучающих новый язык и другую культуру, чувствующих себя не в своей тарелке и переживающих кризис идентичности.¹⁸ Вместе с приобщением к новой культуре и ее требованиям меняется язык и меняется идентичность, самовосприятие, как и восприятие действительности. В особенности эта неуверенность выражается в письменной деятельности, когда приходится справляться с амбивалентностью между тем, что и как хочется писать из прежнего опыта и понимания, и тем, что якобы диктуют конвенции научного письменного языка.

Последствия неуверенности, страха, неподготовленности к научному дискурсу у многих выражаются в плагиате¹⁹. По своей сути, плагиат — это неспособность или отказ доверять собственным словам, что затем через заимствование слов другого становится моральным проступком.²⁰ Поэтому лучшим способом преодоления искушения плагиата, как и достижения успеха в коммуникации своих идей и научных достижений станет работа над усовершенствованием навыков письма. Этим мы принимаем свое призвание умственной деятельности и дар Бога, который сотворил человека “по образу и подобию Его”, вложив в него творческие качества для создания чего-то нового. Копируя и просто повторяя уже существующее, автор отказывается развивать этот дар, взаимодействовать с информацией, вступать в диалог, изменяться и формироваться как на интеллектуальном, так и на личностном уровне, т.е. ограничивает благодать и действие Духа, который предлагает как просвещение и озарение (Иак.1 — мудрость), так и творческие способности “совершения в немощи” (2 Кор. 12:9-10). Способность справиться с вызовом письменной деятельности, при выполнении призвания к научно-богословскому труду под водительством и в силе Духа Святого, тоже оставляет свои отпечатки и формирует личность богослова-исследователя положительным образом.

Богослов-исследователь должен уметь “жить” в двух отличающихся общинах, в Церкви и в академии, и мыслить и писать на разных “языках”. К сожалению, иногда получается так, что начинающий богослов усиленно перевоспитывается

¹⁷ Приходится утверждать нечто с авторитетом, хотя чувствуешь себя неуверенным; критиковать состоявшихся ученых (с помощью тщательно продуманного серьезного аргумента), глубоко осознавая, что знаешь и понимаешь еще очень мало; создавать с помощью подбора уместных слов и хорошо отшлифованного языка впечатление, что свои суждения достоверны и надежны, и вид уверенности в собственной аргументации.

¹⁸ Troy Crawford, Martha Lengeling, Irasema Mora Pablo, Rocío Heredia Ocampo, “Hybrid Identity in Academic Writing: “Are There Two of Me?”” *Profile* 16, No. 2 (October 2014): 87-100.

¹⁹ Ron Scollon, “Plagiarism and Ideology: Identity in Intercultural Discourse,” *Language in Society* 24, no. 1 (1995): 1-28.

²⁰ Lucretia B. Yaghjian, *Writing theology well: a rhetoric for theological and biblical writers*, 2nd ed. (London: T&T Clark, 2015), 143.

под научное сообщество, а затем от него требуют возвращения к церковной аудитории и популяризации накопленного знания на понятном языке, который он уже потерял.²¹ Проблема заключается в дуализме, противопоставлении этих двух сообществ, которые как иногда представляется имеют мало общего. Но почему приходится выбирать, почему так трудно жить в обоих мирах? Каким образом можно формировать студентов, чтобы они осознавали факт двух (и более) идентичностей в своей личности, понимали их особенности, удобство и цели, и умело, комфортно их совмещали? Не в последнюю очередь, письмо в этом процессе самоосознания и трансформации сыграет важную роль, чтобы начинающий богослов развивал широкий диапазон литературных средств и адаптировал их к окружению и к цели коммуникации. Ни в коем случае, переходя в научное сообщество, он не должен терять укоренённости и основания в Церкви, разучиваться, под давлением адаптации, общаться на понятном в ней языке. Но это требует времени, практики, осознанной дискуссии.

Методология формирования богословского письма

Письмо редко вписывается в культуру (ни в какую); устное общение происходит спонтанно и естественно, а письмо не является естественным навыком.²² Тексты к тому же не возникают “из ниоткуда”, письменной деятельности необходимо учиться (не только в школе или университете) и развивать ее как “привычку”, чтобы мозг адаптировался к этой “рутине” и не противился ей или отвлекал от нее.²³ Письмо часто является одиноким поприщем, требует удаления и сосредоточенности, тексты иногда приходится “выстрадать”, письменная презентация идеи должна вырасти изнутри и редко возникает под давлением. Существует много методологической литературы насчет развития навыков письма, здесь будут представлены только три аспекта.

1. Авторская редакция. Привычка постоянной, дисциплинированной, самокритичной правки отражает понимание ограниченности человека как сотворенного существа, которое, будучи образом и подобием Бога, имеет творческие качества, вдохновение, высокие идеи, но постоянно испытывает недостаточность (состояние “уже и еще нет”) и влияние грехопадения; существа, которому “со скорбью” приходится делать то, что должно было приносить радость (Быт. 3:17). Правка требует дисциплины углубления, которая не вписывается в век скоротечности, быстрых достижений, быстрой смены деятельности. Правка требует оценочного отношения к себе и к тексту: не сомнения в себе

²¹ У начинающих богословов иногда возникает такое впечатление, что, посвящая себя академическому труду, они теряют чистоту, наивность, невинность, неиспорченность и становятся “гибридами”, которые и в Церкви уже как бы не “свои” и в академию не вписываются. Мудрое присутствие и водительство ментора, который знаком с такими процессами, поможет разобраться в личностных аспектах и заметить работу Бога в формировании целостного восприятия себя как “верующего” и как “ученого”.

²² См. богословские рассуждения Эллуля по этому поводу (Jacques Ellul, *Humiliation of the Word*, 30ff., 36ff.) или социотехнологические размышления Карра (Nicholas Carr, *The Shallows*).

²³ См. Carr, *The Shallows*, 16.

(которого у начинающего автора достаточно), а понимания, что и автор и текст все еще находятся в процессе созревания и создания, что при фиксации идеи в словах произошла редукция, которую необходимо проверить и расширить (найти более ясное и точное выражение идеи). Мотивация при авторской правке опять положительная и личностная: “не только приведение в порядок содержания и формы произведения, а развитие мыслительных способностей, умений управлять своей познавательной деятельностью... не в качестве самоцели, а как средство формирования личностных качеств (памяти, ума, воображения и т.д.).”²⁴

Методологические пособия часто предлагают сфокусировать тему и писать все, что приходит в голову по этой теме, т.е. выложить на бумагу “поток сознания” и внутренний диалог по теме, свое субъективное, не рефлексированное и не выстроенное логично восприятие темы. В процессе письма мозг сосредоточится на теме и произойдет смещение от общеизвестного к творческому, интуитивное “выплескивание” перейдет в осознанное руководство мышлением, результирующее в логичном взаимосвязанном развитии текста. Представив идею визуальным образом на бумаге, от нее можно отстраниться, проанализировать и объективизировать, проясняется цель текста/автора, логическое продвижение мысли, компоненты аргументации, раскрываются варианты представления материала уместнее, точнее, яснее, проверяется эффективность воздействия текста и убедительность аргументации для читателя.²⁵ Редко автор способен избежать “мусора” и сразу перейти к серьезному тексту, но даже, если после первой, четвертой и десятой правки в тексте останется мало чего из первоначального манускрипта, без этого оригинала текста возможно не было бы вообще.²⁶

Для эффективной правки возможно придется сперва научиться читать и слушать по-другому: в постоянном диалогичном дискурсе с другими “голосами” исследовать не только содержание, но и методологические подходы, логическую цепочку аргумента, стиль написания, литературные конвенции дисциплины.²⁷ Таким образом настраиваются фильтры понимания, кто есть эффективный автор и почему, и каким образом, в процессе приобщения к научному сообществу, можно подражать опытным авторам, параллельно творя сам. И все же, хотя без чтения

²⁴ Ю. Брановский, “Работа в информационной среде,” *Высшее образование в России* 1 (2002): 86

²⁵ Yaghjian, *Writing Theology well*, 30-37.

²⁶ Процесс правки часто воспринимается очень болезненно, особенно для начинающих авторов, и каждое выстраданное слово хочется удержать в тексте. Текст становится громоздким, неуклюжим, неповоротливым как старая баба, хотя после правки он мог бы стать интересным, живым, побуждающим к дискуссии, подобно молодой девушке.

²⁷ Это также важные элементы, которым необходимо учиться и учить. Ведь часто студенты не знакомы с принципами аргументации (логической цепочкой), не готовы отстраниться от текста, своего и других авторов, и не умеют читать его (само)критично, ожидают правил и рамок (вот скажите, как надо!), не решаются на контролируемое творчество. Перечень проблем в текстах, предложенный А.С. Роботовой, “Надо ли учить...”, 50 возможно не полный, но показывает аспекты, на которые необходимо обратить внимание при правке: “бессистемность изложения, немотивированные повторы, нарушение научной логики, эклектика научных оснований, невнимание к аргументации, псевдонаучность (научообразия) стиля изложения”.

невозможно научиться писать, чтения недостаточно для того, чтобы научиться писать — нужна практика и правка!²⁸

2. Дискуссионные семинары. Церковь, чаще всего, является устным сообществом. Богословы в тестах по стилю обучения часто проявляются как аудитивные, т.е. как обрабатывающие информацию в устном порядке и нуждающиеся в поддержке и стимуляции дискуссионной группы. Поэтому в процессе создания и правки текстов важно иметь сообщество для обсуждения произведений эффективных авторов, где, затем, также можно представить свой текст на рассмотрение. Чтение и письмо переплетаются, и параллельное обучение обеим технологиям очень эффективно.²⁹ Дискуссионные семинары представляют собой процесс общинной герменевтики, где понимание/восприятие других обогащает и расширяет собственное понимание и анализ, где процесс обучения чтению и письму будет очень эффективным, если фасилитатор и участники готовы давать и получать рефлексивную критику на свои писательские начинания. Именно диалогичность общения в таких дискуссионных группах помогает участникам определять свой и чужие “голоса”,³⁰ исследовать свою реакцию на произведения других и оценивать их реакцию на свои тексты.

Семинары фокусируются не только на содержании, но в первую очередь на литературных и аргументативных конвенциях дисциплины и их письменном выражении. Группа устанавливает четкие правила общения, чтобы все “голоса” и их письменные инициативы были услышаны в атмосфере доверия; ментор/фасилитатор (сам — опытный автор) руководит дискуссией также произведений извне группы. Вопросы власти и доминирования решаются, и начинающие богословы-исследователи чувствуют, что имеют что сказать, узнают на опыте, какие критерии научное сообщество использует для оценки эффективности текста и каким образом этих критериев придерживаются другие авторы. В процессе происходят рациональные и личностные изменения в авторах, которые обретают уверенность в том, как выражают свои убеждения и авторитет, и чувствуют, что становятся и принимаются как члены научного сообщества.

3. Работа с ментором. Интенсивная работа с ментором формирует начинающего богослова-исследователя с помощью процесса создания произведений все более нарастающей сложности. Ментор/куратор в таком случае сам должен быть научным автором и понимать все языковые, стилистические, психологические барьеры, с которыми сталкивается его “ученик”. Куратор является представителем обоих сообществ, церковного и научного, и в некоем смысле двери-открывателем; мудро и последовательно он вводит студента, через множество вариантов обратной связи, к развитию компетенций академической работы, аргументации и письма. Часто бытующее мнение: “мне пришлось научиться опытом (научного) тыка, так пускай они тоже выстрадают этот “обряд посвящения””, ведет к пороч-

²⁸ И.Б. Короткина, “Академическое письмо: на пути к концептуальному единству,” *Высшее образование в России* 3 (2013): 139.

²⁹ См. Филипович, “Письмо и чтение как неотъемлемые составляющие учебного процесса”.

³⁰ См. Бахтин.

ному кругу и никак не оправдано. Эффективнее будет активно продумать и разработать последовательные письменные задания, связанные с исследовательской работой студента, которые ведут от простого к сложному – от краткого изложения идей статьи к рецензии, затем всесторонней дискуссии определенной темы, исследовательской работе и т.д.³¹ – и которые требуют от студента нескольких циклов правки. Куратор также может предложить написать статью в соавторстве с начинающим автором и на практике руководить процессом написания, правки, предоставления для публикации.

Такая деятельность займет множество драгоценного времени куратора, но оставит неизгладимый отпечаток на творчестве начинающего богослова. Кажущаяся непродуктивность в экономическом смысле выразится в личностном и духовном формировании автора. Влияние будет более глубоким, если придать значимость тому, что пишут начинающие авторы, найти конструктивное применение первым работам и ценить малые начала. Если письменная деятельность рассматривается только как “задание”, как нечто “для оценки”, и “выстраданные” результаты затем просто лежат на полке, фрустрация не оправдана, так как ситуация слишком напоминает болезненные переживания детства с мучительными попытками научиться писать, и вложенные усилия и полезность материала не балансируются. Куратор как двери-открыватель должен способствовать начинающему автору находить возможности для презентаций или публикаций своих произведений. А произведения, повторюсь, должны желательно учитывать оба сообщества, Церковь и академию – от кратких богословских размышлений в блогах или церковных журналах до научных статей в высоко-рейтинговых отечественных и мировых журналах – чтобы автору не приходилось затем опять переучиваться.

И в заключение. Следуя строгим академическим конвенциям, важно бережно относиться к многогранным способностям автора и исследователя, не теряя, при всей жесткости требований жанра и научной аргументации, разнообразия научно-богословского дискурса. Научный дискурс живет за счет нестандартных идей, мышления вне установленных норм. Особенно в богословии существует четкое понимание, что все наше познание происходит “как бы сквозь тусклое стекло, гадательно” (1 Кор. 13:12), что понимание локально и контекстуально и нуждается в коррекции общины.

³¹ Роботова, 52 предлагает процесс обучения письму с помощью продвижения от простых к сложным письменным заданиям: “от краткого изложения основных идей лекции, небольшой научной статьи, главы учебного пособия... Затем предлагалось написать рецензию на главу учебного пособия (после изучения учебной темы) или провести сравнительный анализ глав (по аналогичным темам курса) разных учебных пособий. Интерес вызывал анализ заданий для самостоятельной работы, предлагаемых авторами различных пособий, и оценка их эвристичности, а также сравнение научных трактовок разных понятий и категорий (по словарям, энциклопедиям, справочной литературе). Вряд ли возможно перечислить все виды возможных самостоятельных заданий в данной статье. Эти задания становились всё более сложными, например, написание рецензии на монографию по изучаемой дисциплине. Не сомневаюсь: можно выстроить продуктивную систему создания учебных текстов, создающих “непринудительную” мотивацию написания текстов научных. Наиболее сложным для магистрантов было написание отзыва об автореферате кандидатской диссертации (с учётом специальности магистранта).”

Данная статья показывает, что, хотя процесс развития навыков письма — академического, но не только — кажется трудным и долгим, в нем заложены важные преимущества. Если подходить к нему с положительной мотивацией, формирование навыков письма ведет к более глубокому осмыслению богословских идей, способствует развитию духовной и интеллектуальной личности богослова, а также приобщению к академическому обществу. Важно эффективно и уместно поощрять этот процесс личностного, духовного и интеллектуального становления богослова с помощью использования методологий, существующих в филологических и педагогических дисциплинах, переосмысляя их в богословском и церковно-общинном ракурсе с учетом нужд начинающих богословов. Опытным авторам в этом выпадает честь и ответственность примера и менторства, что требует большого временного, интеллектуального и эмоционального вклада, но, с другой стороны, никогда не является тщетным и обогащает мыслительную и писательскую деятельность как начинающего автора, так и ментора.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брановский, Ю. “Работа в информационной среде,” *Высшее образование в России* 1 (2002): 81-87.
- Бэкон, Фрэнсис. “О занятиях науками”, в *Великое восстановление наук. Новый Органон*. Режим доступа: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html.
- Короткина, И.Б. “Академическое письмо: на пути к концептуальному единству,” *Высшее образование в России* 3 (2013): 136-142
- Роботова, А.С. “Надо ли учить академической работе и академическому письму?” *Высшее образование в России* 10 (2011): 47-54.
- Сенашенко, В.С. “Некоторые соображения об “академическом письме” и исследовательских компетенциях,” *Высшее образование в России* 8-9 (2011): 136-139.
- Филипович, И.И. “Письмо и чтение как неотъемлемые составляющие учебного процесса: взаимосвязи и

BIBLIOGRAPHY

- Bacon, Francis. “O zanyatiyakh naukami”, in *Velikoye vosstanovlenie nauk. Novyi Organon*. Accessed at: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html.
- Bakhtin, Mikhail, *The dialogic imagination*. Austin: University of Texas Press, 1981.
- Branovski, Y. “Rabota v informatsionnoy srede,” *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* 1 (2002): 81-87.
- Burke, Kenneth. *The Philosophy of Literary Form*. Berkeley: University of California Press, 1941.
- Carr, Nicholas. *The Shallows: What the Internet is Doing to our Brains*. New York: W.W. Norton, 2011.
- Crawford, Troy, Martha Lengeling, Irasema Mora Pablo, Rocío Heredia Ocampo. “Hybrid Identity in Academic Writing: “Are There Two of Me?”” *Profile: Issues in Teachers’ Professional Development* 16, No. 2 (October 2014): 87-100.

- влияние на формирование грамотности,” *Научный вестник ЮИМ* 1 (2015): 102-106.
- Bakhtin, Mikhail, *The dialogic imagination*. Austin: University of Texas Press, 1981.
- Burke, Kenneth. *The Philosophy of Literary Form*. Berkeley: University of California Press, 1941.
- Carr, Nicholas. *The Shallows: What the Internet is Doing to our Brains*. New York: W.W. Norton, 2011.
- Crawford, Troy, Martha Lengeling, Irasema Mora Pablo, Rocío Heredia Ocampo. “Hybrid Identity in Academic Writing: “Are There Two of Me?”” *Profile: Issues in Teachers’ Professional Development* 16, No. 2 (October 2014): 87-100.
- Ellul, Jacques. *The Humiliation of the Word*. Grand Rapids, Mich: W.B. Eerdmans, 1988.
- Ivanic, Roz. *Writing and Identity: The Discoursal construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998.
- Miller, J., “Second language acquisition and social identity,” *Queensland Journal of Educational Research* 13 no.2 (1997): 84.
- Schemm, Peter R. Jr. “The Writing Pastor: An Essay on Spiritual Formation,” *Themelios* 37.3 (2012): 480–87
- Scollon, Ron. “Plagiarism and Ideology: Identity in Intercultural Discourse,” *Language in Society* 24, no. 1 (1995): 1-28.
- Yaghjian, Lucretia B. *Writing theology well: a rhetoric for theological and biblical writers*, 2nd ed. London: T&T Clark, 2015.
- Ellul, Jacques. *The Humiliation of the Word*. Grand Rapids, Mich: W.B. Eerdmans, 1988.
- Filipovich, I.I. “Pis’mo i chteniye kak neot’yemlyemye sostavlyayushkiye uchebnogo protsessa: vzaimosvyazi i vliyaniye na formirovaniye gramotnosti,” *Nauchnyi vestnik YuIM* 1 (2015): 102-106.
- Ivanic, Roz. *Writing and Identity: The Discoursal construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998.
- Korotkina, I.B. “Akademicheskoy pis’mo: na puti k kontseptsional’nomu edinstvu,” *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* 3 (2013): 136-142.
- Miller, J., “Second language acquisition and social identity,” *Queensland Journal of Educational Research* 13 no.2 (1997): 84.
- Robotova, A.S. “Nado li uchit’ akademicheskoy rabote i akademicheskomu pis’mu?” *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* 10 (2011): 47-54.
- Senashenko, V.S. “Nekotorye soobrazheniya ob ‘akademicheskome’ i issledovatel’skikh kompetentsiyakh,” *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* 8-9 (2011): 136-139.
- Schemm, Peter R. Jr. “The Writing Pastor: An Essay on Spiritual Formation,” *Themelios* 37.3 (2012): 480–87
- Scollon, Ron. “Plagiarism and Ideology: Identity in Intercultural Discourse,” *Language in Society* 24, no. 1 (1995): 1-28.
- Yaghjian, Lucretia B. *Writing theology well: a rhetoric for theological and biblical writers*, 2nd ed. London: T&T Clark, 2015.